ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПОЧВ

DOI dx.doi.org/10.24866/7444-4707-6/11-29

В.И. Голов, Я.О. Тимофеева

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ПОЧВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ

В настоящее время Дальневосточный федеральный округ (далее ДВФО) занимает более 1/3 (36%) территории Российской Федерации (далее РФ). Однако пахотные почвы, которым посвящено наше сообщение (на 96,4%) сосредоточены на юго-западе ДВФО (Амурская область и Приморский край), поэтому основное внимание мы уделим именно этой части региона. ДВФО самый отдаленный регион РФ, поэтому вопросы снабжения населения, проживающего здесь, в первую очередь, продуктами питания, энергией, одним словом всем тем, что необходимо человеку для жизни во все времена были приоритетными. Колонизация, освоение территории всегда и всюду начиналось с продовольствия, которое на 90-95% человечество до сих пор получает от почв. Не был исключением и Дальневосточный край, который привлекал не только слабой изученностью и географическим положением (выход в море, обилие пресной воды, богатством недр, флоры, фауны и т.д.), но и также слабой заселенностью. Поэтому неудивительно, что он притягивал к себе не только созидателей и благонадежных членов общества, но и разного рода авантюристов и людей, асоциальных (разрушителей) с криминальным прошлым, начиная с татаро-монгольской орды и кончая китайскими хунхузами.

Поскольку мы будем рассматривать почвы с точки зрения их социальных функций, а именно как основное и незаменимое средство получения продуктов питания, логичнее излагать историю их изучения и освоения в связи с зарождением и развитием земледелия в данном регионе. Ученых в области сельского хозяйства, а также историков, географов и других специалистов давно волнует вопрос когда, почему и благодаря кому и чему на

Дальнем Востоке, в частности в Приморье и Приамурье, где находятся наиболее пригодные для выращивания продовольственных культур почвы, появилось земледелие? Еще полвека назад известный историк, исследователь Дальнего Востока, академик А.П. Окладников на основании косвенных признаков высказал предположение о появлении земледелия в Приморье и Приамурье в неолите, т.е. примерно в III–V тысячелетие до новой эры [Окладников, Деревянко, 1973]. Однако на уже вскрытых и приуроченных к этому времени и к данной территории раскопках древних поселений историки и археологи до настоящего времени не обнаруживали следов самих культурных растений (семена, пыльцу). Именно они служат убедительным доказательством наличия земледельческой культуры. И только в текущем XXI веке с помощью современных методов это удалось установить сотрудникам института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН совместно с коллективом ученых из университета Фукуока и университета Кумамото (Япония) [Сергушева, 2007]. В древнем поселении Кроуновка 1, Уссурийского района Приморского края были обнаружены семена проса (*Panicum miliaceum*) и периллы (*Perila frutescent*), овощного растения семейства губоцветных, содержащего много масла. Эти культуры входили в рацион человека, живущего во времена неолита, как подтверждают раскопки, изученные археологами России, а также и других стран соседствующих с ДВФО РФ (Японии Кореи, Китая, Маньчжурии). Таким образом, отныне можно считать, что земледелие, как одно из цивилизованных отраслей хозяйственной деятельности человека, не всегда было чуждо племенам, обитающим на Дальнем Востоке. Хотя с появлением русских на Дальнем Востоке в XVII–XVIII веках коренное, оседлое население (тунгусы, гиляки, гольды, орочи, удэгейцы и др.) практически не занималось земледелием, а довольствовалось охотой, собирательством и рыбной ловлей. Но это не означает, что так было всегда в обозримой истории Дальнего Востока от неолита до наших дней. Случались периоды ренессанса и в азиатских странах. Например, во времена Бохайского (698–926 гг.) и Чжурчженского (1115–1234 гг.) государств, в которых процветала не только культура, но и экономика, в том числе и земледелие. Население этих стран выращивало просо, бобы, пшеницу, рис, овощные и технические культуры. Ведя оседлый образ жизни и, пользуясь одними и теми же наделами земли, жители этих стран практиковали плодосмен и применение некоторых удобрений (золу, навоз, компосты и др.). Следовательно, как учит нас история, ради-

кальные перемены в жизни человечества или отдельно взятого государства, происходят при каких-то масштабных событиях, социальных потрясениях, следствием которых бывают как положительные, так и отрицательные явления, затрудняющие или улучшающие существование человека на земле. Как мрачно шутят историки: «Сколько бы ни было в нашей науке белых пятен, нам всегда удавалось вернуть им первозданный черный цвет!». Но мы будем стараться больше акцентировать внимание читателя преимущественно на светлых событиях.

Первую свою работу по истории изучения и освоения почвенного покрова Дальнего Востока мы посвятили дореволюционному периоду, начиная с походов В.Д. Пояркова (1643-1646 гг.) и Е.П. Хабарова (1649-1653 гг.) а закончили серединой XX века [Голов, Тимофеева, 2012]. Как и в первой нашей работе, мы будем больше внимания уделять тем ученым и выдающимся государственным деятелям, которые внесли наиболее весомый вклад в развитие науки о почвах и землепользовании дальневосточных окраин. Так как глубоко уверены, что успешность любого благородного деяния, которое обычно приравнивают к подвигу, открытию или победе зависит от личности, а не от общественного мнения или иных других причин. Причем не обязательно, чтобы они трудились в местных научных, учебных или иных организациях, но чтобы добровольно, по велению сердца, способствовали развитию науки и экономики ДВФО, участвуя в экспедициях, совещаниях, в руководстве аспирантами и других видах деятельности. За истекшие шесть лет появились в печати новые сведения и материалы других авторов об описанном нами периоде русской истории земледелия на Дальнем Востоке, которые по разным причинам нами не были учтены и которые мы постараемся кратко прокомментировать в данном сообщении. Далее продолжим изложение истории изучения почвенного покрова ДВФО за оставшиеся полвека до наших дней.

Наиболее интенсивное заселение Приморья и Приамурья казаками и крестьянами, которым свойственно заниматься земледелием, началось в конце 50-х годов XIX века. Вызвано это было, в первую очередь, Крымской войной (1853-1856 гг.), в которой воюющие страны выясняли отношения не только в Крыму, но и на Дальнем Востоке. Правительство России сознавало, что Англия и Франция будут усиливать свое влияние на азиатском побережье Тихого океана с целью отторгнуть от России богатый промысловый район. К тому же в это время торговые отношения с

Китаем из-за кризиса в Цинской империи были основательно испорчены. Поэтому, наконец, после двухвекового застоя, царское правительство решило укреплять восточные границы России. В 1847 году император Николай 1 назначает тульского губернатора генерал-майора **Николая Николаевича Муравьева** губернатором Восточной Сибири, куда входил Дальний Восток. На этом посту, что не так уж часто случалось в России, Н.Н. Муравьев проявил себя дальновидным и эффективно работающим дипломатом. Создав слаженный управленческий аппарат, он приступил к формированию амурского и уссурийского казачьего войска в основном из забайкальских и даурских казаков, которые к тому времени уже прошли некоторую адаптацию и получили навыки охраны государственной границ в условиях сибирского климата. В начале 1854 года царским указом Н.Н. Муравьеву было поручено ведение всех переговоров о восточной границе с Китаем, которые до описываемых событий не были доведены до конца. К этому времени капитан-лейтенант, в будущем адмирал **Геннадий Иванович Невельской**, уже успел установить, что устье Амура вполне судоходно до выхода в Охотское и Японские моря. Поэтому отмобилизованное казачье войско было решено сплавить по Амуру, чтобы защитить Сахалин и Камчатку от возможной интервенции со стороны Англии и Франции, а также укрепить границу с Китаем, увеличив количество постов.

В этом же 1854 году, произошло еще одно важное событие, повлиявшее на увеличение притока переселенцев в Приморье и Приамурья, правда вначале оно носило в основном принудительный характер из-за военной обстановки, но после заключения договоров с Китаем и по окончании Крымской войны процесс заселения принял более демократичные формы. Как и ожидалось, эскадра французских и английских кораблей, вооруженных 218 пушками и личным составом, превосходящим защитников Петропавловской крепости в 3 с лишним раза, у которых имелось только 67 береговых и 27 корабельных пушек, атаковала позиции обороняющих крепость. Ответным огнем половина эскадры неприятеля было выведено из строя, а высадка десанта, которая предпринималась дважды, закончилась плачевно для нападающих и, потеряв около 500 человек убитыми и ранеными (защитники потеряли 100 человек), они вынуждены были отступить. Это позорное бегство от гарнизона, численностью около 1000 солдат вместе с мирными жителями, добровольно помогавшими защитникам, имело большой резонанс не только в российской прессе, но и за рубежом. Возглавлял оборону Петропавловска

военный губернатор Камчатки, ставший впоследствии адмиралом, *Завойко Василий Степанович*. Английская и французская общественность восприняла этот факт как оскорбление национального достоинства, о чем свидетельствовали статьи в газетах, призывающих к сатисфакции.

Победа защитников Петропавловской крепости позволила, на наш взгляд, благополучно, с успехом для России заключить договор о границах с Китаем, как Айгунский (1858 г.), так и Пекинский (1860 г.). Многие историки и китаеведы считают, что это стало возможным благодаря высокому искусству дипломатии, каковым обладал Н.Н. Муравьев [Аргудяева, 2009]. Другие отдавали предпочтение «мягкой» и миролюбивой манере ведения переговоров, которая была свойственна всей русской дипломатии, во все времена после ухода с престола Ивана Грозного [Невельской, 1969; Венюков, 1970]. Но почему же тогда эти аргументы не сработали при заключении других, менее успешных, а порой и безрезультатных переговоров (Нерчинский, 1689 г. и др.). По-видимому, многие современные дипломаты и вообще деловые люди осведомлены о бытующей ныне «китайской дипломатии», осторожной и недоверчивой. В то время у китайцев еще были свежи в памяти «опийные войны», с Англией (1839-1842), а затем и вместе с Францией (1856-1860), которые велись с исключительной жестокостью и варварством со стороны агрессора. И каковые закончились подписанием унижительного для Китая договора, по которому он уступил Гонконг, где позже нашли приют многие наркоторговцы, держатели борделей и уголовные преступники. Поэтому авторитет России после победы над таким коварным, жестоким и наглым противником у китайского народа существенно вырос. Ведь всегда лучше иметь порядочного соседа, а не алчного колонизатора, который не перед чем не останавливается, каковыми в то время были Англия, США и еще с ними. Эта победа для мировой общественности была неожиданной, хотя на наш взгляд, вполне закономерной. В связи с чем, стоит остановиться на некоторых подробностях этой компании, которая до сих пор была слабо освещена в печати, и напомнить имена нескольких, истинных героев данного подвига. Это они позволили нам сохранить не только Камчатку и Сахалин, но и закрепить за собою обширные территории Приморья и Приамурья в современных границах, на которые долгие годы претендовали кроме Китая и Японии страны других континентов, весьма удаленных от восточного побережья Тихого океана (Англии, Франции, США и др.).

До начала Крымской войны и высадки десанта в Петропавловске благодаря исследованиям таких авторитетных мореплавателей, известных чуть ли не каждому школьнику любой страны, как француз Ж.-Ф. Лаперуз, англичанин У.Р. Браутон и русский ученый географ И.Ф. Крузенштерн, существовало твердое убеждение, что остров Сахалин вовсе не остров, а полуостров. Все они в течение 20 лет (с 1785 по 1806 гг.) в разное время исследовали Татарский залив из Японского моря и Сахалинский залив со стороны Охотского моря, но когда достигали устья Амура и натыкались на бары или другие отмели возвращались назад. Поэтому на всех картах, которыми пользовались в то время, Сахалин значился полуостровом с двумя бухтами. Хотя давно было известно, что В.Д. Пояркову еще в середине XVII века удалось пройти на баркасе весь Амур, выйти в устье, затем в лиман и далее в Охотское море. Существует еще более достоверный факт, появившийся в печати значительно позже (1832г.). Японский землемер Мамио Ринзе в 1808 году произвел съемку лимана Амура и убедился в островном положении Сахалина. Но что значат эти факты для общественности, если такие знаменитости как Лаперуз и Браутон утверждали обратное, особенно для французов и англичан, считавших себя нациями, избранными Богом? Но не так думал молодой офицер, капитан-лейтенант *Геннадий Иванович Невельской*, недавно закончивший морской кадетский корпус, где учителями были такие ученые-мореплаватели, как Ф.П. Литке, И.Ф. Крузенштерн, привившие ему не только любовь к морской стихии, но и к науке. Что же послужило импульсом к началу исследований Г.И. Невельским Татарского пролива (или залива?). Нам остается только гадать (может И.Ф. Крузенштерн усомнился в своей правоте, а может, сработал инстинкт ученого, принципом работы которого должен быть лозунг: «подвергай все сомнению»), но так или иначе Г.И. Невельской «заболел» этой идеей надолго. С другой стороны, как человек военный он хорошо понимал стратегическую важность владения реками Амур, Уссури, Аргунь и др. как судоходными для снабжения войсковых частей дислоцированных в восточных регионах нашей страны и на восточном побережье Тихого океана вооружением, боеприпасами, продовольствием и амуницией из Сибири и Китая. Этот путь в то время был наиболее коротким и недорогим. Кроме того, в связи с предстоящими переговорами с Китаем о разграничении территории Дальнего Востока, необходимо было России создать несколько постов по берегам названных рек, чтобы, в конечном счете, претендовать на территорию бассейна реки Амур в нижнем течении и При-

морья [Невельской, 1969]. Поэтому задолго до этих ожидаемых событий он начал убеждать в первую очередь губернатора Н.Н. Муравьева, который его поддерживал во всех начинаниях, в организации и проведении экспедиции для изучения Амурского лимана. Но в главном морском штабе, который возглавлял тогда адмирал А.С. Меншиков, ему было отказано в субсидировании экспедиции. И тогда, как это часто бывало в России с учеными, настоящими патриотами (Н.М. Пржевальский, К.Д. Глинка, Д.И. Менделеев и др.) Г.И. Невельской решает провести эти исследования на свой страх и риск самостоятельно, причем без инструкции, подписанной императором. Чтобы успеть до конца навигации исследовать лиман и устье Амура, он переводится с фрегата «Паллада», куда его определили после окончания колледжа, на транспорт «Байкал», отплывающий в воды Тихого океана для доставки грузов. Прибыв из Кронштадта в Петропавловск за рекордное для тех лет время (8 месяцев и 23 дня) и разгрузившись, они отправились на Сахалин для выполнения планируемых исследований. Перед тем, как приступить к работе, он предупреждает офицеров экипажа, что ответственность за их проведение без санкции императора он берет на себя. И когда работы благополучно были закончены, прибыл транспорт с разрешением императора, которое доставил сам генерал-губернатор Н.Н. Муравьев. Для такого поступка нужно быть действительно мужественным и по-настоящему ответственным человеком перед отечеством, а не перед императором, который, кстати, был убежден, благодаря своим советникам, что Амур не перспективен для судоходства из-за отсутствия выхода в Охотское и Японское моря. Вот как сам Г.И. Невельской описывает заключительный этап своих исследований: **«22 июля 1849 года мы достигли того места, где у мыса Лазарева и Муравьева (названных Г.И. Невельским) материк максимально сближается с Сахалином у мыса Погоби. Вместо найденного Лаперузом и Браутоном низменного перешейка, мы открыли пролив шириною в 4 мили (7,4 км) и глубиной от 10 до 22 м. (максимальная осадка у самого тяжелого судна фрегата «Паллада» с грузом составляла 7 м, примечание авторов статьи). Так было доказано островное положение Сахалина и доступность устья Амура для входа в него морских судов с севера и с юга).** [Невельской, 1969].

Это открытие Г.И. Невельского до сих пор, как нам представляется, остается недооцененным. Во-первых, оно позволило оперативно, за месяц до нападения на Петропавловск, доставить провиант, оружие и личный состав Сибирского линейного батальона (350 солдат) на бригантине

«Двина», которая имела на своем вооружении две мортиры и 14 36-ти пу-
довых пушки, каковые были с максимальной эффективностью использо-
ваны при обороне Петропавловска. Во-вторых, близость военной базы
(имеется в виду в Николаевске на Амуре), о чем не знал противник и не
мог знать, потому, что пользовался картами своих национальных героев
(Лаперуз и Браутон), вселяла уверенность и надежду у обороняющейся
стороны. Так, например, в случае затяжного конфликта всегда можно бы-
ло получить поддержку в виде боеприпасов, живой силы и продоволь-
ствия. У противника такой уверенности не было и при расходовании бое-
припасов ему оставалось либо сматываться в Европу, либо сдаваться на
милость победителю. И, как показало само сражение, боевой дух у оборо-
няющейся стороны был чрезвычайно высок. Об этом свидетельствуют
следующие факты: 1). Оборонительные сооружения (7 батарей) были обо-
рудованы в рекордно короткие сроки (всего 1,5 месяца). Приходилось ра-
ботать и днем и ночью. За это время пушки весом более полутонны были на
руках перенесены с кораблей на место установки, причем многие на воз-
вышенных местах и на скалах. Далее необходимо было не только устано-
вить пушки, но и оборудовать для них брустверы (валы), окопы для лич-
ного состава и боеприпасов, соорудить боны (плавучие заграждения от
неприятельских кораблей и торпед), ну и т.д. 2). При малочисленности
живой силы (в 3 раза меньше, чем у противника) командующему крепости
В.С. Завойко пришлось обратиться с просьбой к коренному населению
Камчатки пополнить ряды волонтеров. В итоге был сформирован отряд в
100 человек из ительменов, которые занимались охотой и были прекрас-
ные стрелки. 3). Благодаря высокому профессионализму и смекалке ко-
мандного состава Петропавловского гарнизона удалось свести на нет пре-
восходство противника в качестве и количестве вооружения. Многие ко-
рабли у противника были на паровом ходу, а у нас в основном был парус-
ный флот, зависимый от ветра. У англичан и французов уже было нарез-
ное оружие, что увеличивало дальность и точность огня, в то время
как у нас пехота была вооружена гладкоствольными ружьями и в основ-
ном кремневыми. В связи с тем, что пушки в те времена на кораблях уста-
навливали по бортам, следовательно, во время стрельбы по береговым це-
лям могли быть задействованы только те батареи, которые были обраще-
ны в сторону берега, а пушки, установленные по другому борту, бездей-
ствовали. Поэтому у наших кораблей были оставлены пушки только на

одном борту, с другого они были сняты и установлены на берегу, т.е. были задействованы. Поэтому по количеству пушек, непосредственно использованных в сражении, мы с неприятелем были почти на равных (у них 109 пушек, а у нас 91). Но главные сюрпризы ожидали англо-французскую эскадру после того, как они оправились от первого поражения и, пополнив личный состав, вооружение, количество исправных кораблей и боеприпасов к ним, ранней весной следующего года решили вернуться в Петропавловск. Достигнув в начале мая 1955 года берегов Камчатки, они никого и ничего кроме мусора и изрытых снарядами сопок, а также остатков строений не обнаружили.

Сразу после сражения по инициативе и настоянию Г.И. Невельского и при активном участии командира фрегата «Аврора», капитан-лейтенанта, будущего контр-адмирала *Изыльметьева Ивана Николаевича*, а также военного инженера *Мровинского Константина Осиповича*, руководившего строительством оборонительных укреплений, была организована и безупречно проведена эвакуация гарнизона, жителей и военного имущества в Николаевск на Амуре. Именно этим героям Петропавловской обороны принадлежит заслуга в сохранении основного состава Тихоокеанской флотилии, в поддержании ее боеготовности и своевременной эвакуации сухопутных войск, участвующих в обороне Петропавловска, единственного порта на Камчатке. О том, что эвакуация Петропавловска была объективно необходима, Г.И. Невельскому было ясно сразу после ухода неприятельской эскадры, вопреки мнению высшего командования, которое поддавшись эйфории после победы было склонно к укреплению Камчатского порта. Но, тем не менее, Г.И. Невельскому удалось убедить руководство в том, что при сложившейся ситуации удержать Камчатский порт невозможно, а в открытом бою в океане тем более из-за малочисленности флота, его моральной и материальной изношенности и отсталости. И все же в начале мая 1855 года англо-французская эскадра обнаружила нашу флотилию в заливе Де-Кастри, но пользуясь туманом, в ночь с 9 на 10 мая наши военные суда под носом у неприятеля ушли в северном направлении к устью Амура. Будучи уверенными, что рано или поздно наши корабли будут вынуждены уходить из Татарского «залива», англо-французская эскадра перекрыла его на входе и дежурила до конца навигации, так и не дождавшись ни одного нашего судна. Это был последний конфуз потомков великих мореплавателей Ж.Ф. Лаперуза и У.Р. Браутона.

Подводя итоги тихоокеанским событиям в Крымской войне, Г.И. Невельской пишет: *«Эти господа (имелись в виду высшие военные и гражданские чиновники) никак не могли освоиться с мыслью, что сосредоточив наши войска и суда в Николаевске, мы уже закончили здесь войну со славой. Эти воспитанники Кавказа, Марсова поля и красносельских парадных маневров не могли себе представить, чтобы без свинца, пуль и ядер, треска и шума реляций и их спутников – крестов, чинов и званий – могла кончиться здесь война. Сохранив наши суда и солдат от явной гибели, мы одним только этим принудили неприятеля к блокаде берегов Татарского пролива, заставив тем самым признать этот край русским»*. И далее он пишет: *«Первоочередной задачей правительства России в ближайшие годы и на грядущие является заселение края земледельцами, чтобы войска могли быть обеспечены местным продовольствием, фуражом, лошадьми и другими средствами для ведения военных действий. Привлекать необходимо больше крестьян и казаков, а не толпы бесполезных чиновников, штрафованных солдат и осужденных, для которых приходится строить дорогие крепостные сооружения и различные бюрократические учреждения»* [Невельской.1969]. Познакомившись с документами, касающихся жизни и деятельности Г.И. Невельского, лишний раз убеждаешься в том, что в военных делах, как и в науке, успех сопутствует не тем, кто вооружен до зубов и численно превосходит противника, а тем, кто способен предвидеть события и упреждать их с пользой для себя. Так учили воевать наши великие профессионалы своего дела А.В. Суворов, М.И. Кутузов, П.С. Нахимов и другие русские полководцы, руководствуясь правилом А.В. Суворова «не числом, а умением».

Далее, после окончания Крымской войны наблюдается спад в переселении крестьян и казаков на Дальний Восток и к 1885 году этот процесс практически достиг своего минимума от начального периода 1850 года. Так за 25 лет, с 1861, когда отменили крепостное право, и до 1885 года переселилось в наши края около 300 тыс. человек или в среднем 12 тыс. в год. Но в начале XX века, а именно с 1906 по 1910 гг., всего за 5 лет прибыло в Приморье и Приамурье более 2,5 млн. человек или в среднем около 500 тыс. в год [Хисматуллин,1978]. Каковы же социальные потрясения и масштабные события привели к столь бурному росту темпов переселения? Во-первых, русско-японская война, окончание которой не прибавили

славы России. Согласно Портсмутскому договору между Россией и Японией, который был заключен 5 мая 1905 года под патронажем США, Россия потеряла половину о. Сахалин и все Курильские острова. И благодаря поддержке президента США Теодора Рузвельта Россия не заплатила 1,2 млрд. иен контрибуции и не перевела г. Владивосток в демилитаризованную зону, на чем настаивала японская сторона. Во-вторых, в 1905 году в России началась революция, поэтому правительство было заинтересовано, как можно скорее заключить мир, чтобы освободить войска для наведения порядка в собственной стране. До правительства, наконец, дошло, что Россия может окончательно потерять свое влияние на Тихом океане, для чего приняла ряд экстренных мер с целью ускоренного заселения территории Дальнего Востока. Во-первых, были выделены дополнительные ассигнования на строительство Транссибирской магистрали, начатое при Александре III в 1891 году и законченное в 1916 году при Николае II. Этот путь, соединивший столицу с Владивостоком, на удалении 9289 км, оказался не только самым протяженным в мире, но и, одновременно, самым недорогим (в использовании, а не в строительстве) самым коротким и самым безопасным, по сравнению со всеми видами транспорта, существующими как сто с лишним лет назад, так и сегодня. Далее с целью привлечения населения к Дальнему Востоку, учитывая промахи прошлых лет, царское правительство выделило из казны дополнительные средства для переселенцев на дорогу, питание в течение обустройства и получения первого своего урожая, а также на приобретение лошадей и другого домашнего скота. Были и другие льготы, как то освобождение от воинской повинности, от налогов и т.д. [Аргудяева, 2009; Хисматуллин, 1983, 1988] В 1896 году было создано специальное Переселенческое управление при министерстве внутренних дел для содействия переселению крестьян из центральных губерний, особенно безземельных, количество которых существенно возросло после принятия Столыпинской аграрной реформы 1906 года. Это управление в основном было укомплектовано учеными и специалистами в области почвоведения и землеустройства, такими как академики К.Д. Глинка, Б.Б. Полынов, Л.И. Прасолов, профессора А.П. Левицкий, И.И. Томашевский, агроном Д.В. Иванов, известных своим ответственным отношением к порученному делу, эрудицией и свободомыслием. Все они добровольно вызвались исследовать земельные фонды в самых отдаленных и труднодоступных территориях Восточной Си-

бири и Дальнего Востока [Иванов, 2003, Хисматуллин, 1978]. Основными задачами почвенных исследований Азиатской России было определение степени пригодности территорий, отводимых для хлебопашества, (плодородия почв, наличие пресной воды, близости леса для заготовки дров, состояние подъездных путей). Исследования почв, как правило, не сопровождалось постановкой агрономических и агрохимических опытов для решения вопросов возделывания тех или иных культур и эффективности удобрений. Но при умелом руководстве академика К.Д. Глинки и убедительной аргументации профессора Н.И. Прохорова в 1908 году были учреждены два опытных поля, одно в Никольск-Уссурийске (ныне ПримНИИСХ ДВО РАН) Приморского края, другое в селе Садовое Тамбовского района Амурской области (ныне опытное поле ВНИИ сои ДВО РАН). Штат опытных полей в то время не превышал 10-12 человек (заведующий, его помощник, 4 годовых и 4 полугодовых рабочих, т.е. временных на период вегетации). Поскольку ученые указанных выше научно-исследовательских институтов считают профессора **Николая Ивановича Прохорова** (1877 – 1930) основателем и первым ученым почвоведом, приступившим к изучению почвенного покрова ДВФО, стоит привести те скудные сведения, которые нам удалось найти в электронных и бумажных источниках об этом талантливом ученом и незаурядном человеке, ныне почти забытом. [Чайка, Ващенко, 2007, Хисматуллин, 1978; Крупенников И.А., 1981]. Н.И. Прохоров родился 22 ноября 1877 года в России. Закончил первый в Европе и России Ново-Александровский институт сельского и лесного хозяйства (Польша, Пулавы, Люблинской губернии) по специальности почвоведение и грунтоведение. Как ученик Н.М. Сибирцева, В.В. Докучаева и К.Д. Глинки, он был хорошим специалистом в области почвоведения, ботаники, геологии и минералогии [Иванов, 2003]. Именно таким многопрофильным специалистам в начале XX века отдавалось предпочтение при формировании экспедиций для изучения почвенного покрова территорий (*terra incognita*), каковой была в то время Азиатская часть России.

Долгое время Н.И. Прохоров преподавал на Стебутовских женских курсах, преобразованных после 1918 года в институт сельского и лесного хозяйства, где он работал заведующим кафедрой. После 1918 года он переходит на работу во вновь открытый (первый в мире) Петроградский Географический институт, возглавив в нем кафедру географии почв, на которой разрабатывал новые для почвоведения направления – мерзлото-

ведение и дорожное почвоведение. Н.И. Прохоров удачно сочетал научную деятельность с практикой, что очень ярко проявилось во время экспедиционных работ в Амурской области. Именно здесь вдали от ведущих научных центров Европейских губерний России, где не было никаких сведений о почвенных ресурсах, кроме топографических карт первопроходцев, ему удалось, помимо двух опытных станций организовать и запустить в работу около десятка метеопостов (в дальнейшем метеостанций) в Приморье и Приамурье. Снабдить их программой исследований и минимальным оборудованием за 4 года работы экспедиции (1908-1911). С этого времени начались регулярные, круглогодичные наблюдения не только за метеорологическими явлениями (осадки, температура воздуха и т.д.), но и некоторыми почвенными и гидрологическими показателями (температура почвы, глубина промерзания, уровень грунтовых вод и т.д.). Не потеряли актуальность его суждения о причинах и последствиях наводнений при разливе Амура, Зеи, Уссури и других рек во время обильных выпадений летних дождей. Так, например, основными причинами катастрофических последствий наводнения в Приморье и Приамурье в 1927 году, которое по мощности и причиненному ущербу было сопоставимо с наводнением случившемся в 2013 году, профессор Н.И. Прохоров назвал отсутствие результатов комплексного обследования бассейнов перечисленных выше рек и крайне неудачном выборе мест поселения прибывающих мигрантов. Эти же причины были названы современными гидрологами и экологами наряду с потеплением климата, исчезновением леса из-за пожаров и вырубок и увеличением количества выпавших осадков [Махитов, Ким, Воронов, 2014; Потанин, 2013]. Жизнь Н.И. Прохорова трагически оборвалась в тридцатые годы во времена беззакония, насильственной коллективизации и раскулачивания, возглавляемой партией «большевиков» (ВКП (б)), которые вошли в историю под названием «Сталинских репрессий». Во время экспедиции в Туркестан у Н.И. Прохорова исчезли топографические карты. Он был арестован, и как это обычно практиковалось в ту пору карательными органами НКВД, без суда и следствия его обвинили в шпионаже в пользу Японии (ничего глупее и примитивнее нельзя было придумать) и вскоре расстреляли. И как это нередко случается с лицемерными и недалекими правителями, далее трагедия превратилась в фарс. Карты были обнаружены у хозяйки комнаты, где проживал Н.И. Прохоров, и которая этими картами оклеила сундук. Так бездарно и преступно не работала,

пожалуй, ни одна контрразведка мира, по вине которой погибли многие талантливые ученые. Среди них, такие как Тулайков Н.М., Вавилов Н.И., Ильин Р.С., Афанасьев Я.Н., Аболин Р.И. и многие, другие, составлявшие цвет нашей науки и которые еще много бы могли сделать полезного для процветания России. Особенно большие потери понесла генетическая наука, занимавшая к тому времени ведущие позиции в мире и каковые были утрачены почти безнадежно, если судить по отношению нынешнего правительства к фундаментальной науке в целом. О равнодушном, а порой даже преступном, отношении правительства нашей страны, как сверху, так и на местах, к экологической ситуации, складывающейся в Сибири и в ДВФО свидетельствуют следующие факты. Исследованиями многих ученых давно установлено, что лес является наиболее важным регулирующим и стабилизирующим фактором гидрологического режима почвенного покрова и поверхностных вод в умеренных широтах, в пределах которых находится Россия. Поэтому сведение лесов в результате пожаров или несанкционированных вырубок, как это практикуется в Сибири и на Дальнем Востоке неминуемо приводит в ряде случаев к разливу рек и заболачиванию территории, что с нарастающей интенсивностью наблюдается в настоящее время на территории Приморья и Приамурья. Либо к обширным и катастрофическим пожарам и обмелению рек, как это происходит сейчас с рекой Леной, в бассейне которой выпадает незначительное количество осадков, а почвенный покров обладает хорошей водопроницаемостью. Все это приводит к обезвоживанию почв и усыханию оставшегося после сплошной, без соблюдения элементарных правил рубки леса, что в свою очередь многократно увеличивает вероятность возгорания. Сложившую ситуацию, пока она не превратилась в катастрофическую, не могут изменить к лучшему все эти протесты «зеленых» и призывы ученых к экологическому природопользованию. Эти проблемы всегда и всюду решались на уровне правительства. Но пока оно не предпринимает никаких мер по пресечению деятельности «лесной мафии» и, более того, обещает передать Китаю дополнительно 2 млн. га леса для дальнейшей вырубки. Свой лес в Китае вырубili еще сто лет тому назад, существенно уменьшив тем самым запасы пресной воды, которое было вызвано помимо исчезновения лесов, загрязнением многих рек минеральными удобрениями и ядохимикатами [Блогер А. Несмеяна (#Эль Мюрид)]. Эту же губительную агротехнику китайские арендаторы беспрепятственно применяют на аренду-

емых почвах ДВФО, которая приводит к ускорению темпов деградации арендуемых почв и поверхностных вод, что было достоверно установлено проведенными в последние годы исследованиями ученых ДВО РАН [Росликова, 2012; Бурдуковский, Голов, Ковшик, 2016; Жарикова, 2017]. Судя по тому, как ведет себя муниципальное правительство Спасского района, всячески препятствуя проведению анализов и других наблюдений за состоянием арендуемых китайцами почв, создается впечатление, что ему все равно в каком состоянии останутся эти почвы нашим потомкам от таких арендаторов, особенно после возделывания риса. И в этом в первую очередь виновны муниципальные деятели, которые по воле случая получили право владения землей и которые безответственно сдают ее таким же арендаторам. Всей этой братии нелишне напомнить слова великого русского ученого К.А. Тимирязева, который предупреждал: **«Владение землей не только право или привилегия, а тяжелая обязанность, грозящая ответственностью перед судом «потомства»**. Если уж свою почву китайские крестьяне довели до опустынивания и засоления, забросив 25% пашни за последние 30 лет, то они не будут отягощать свою деятельность экологическими проблемами. Так как работают временщиками на чужой земле, беря пример с наших чиновников. То же самое происходит в Китае с речными и другими поверхностными водами, о чем можно судить по состоянию пограничных рек Амуру, Уссури, Аргуни. Особенно неприглядно загрязнена река Сунгари, которая течет по территории Китая и впадает в Амур и которая больше напоминает сточную канаву, а не полноводную и чистую реку, каковой она когда-то была. Но это уже отдельная тема, которая требует более глубокого и серьезного обсуждения.

При подготовке были использованы четыре основных источника (книги), посвященных истории почвенных исследований в России, изданных в разные годы и охватывающие время от основателя науки почвоведения В.В. Докучаева (1870 год) до наших дней, т.е. в течении почти 150 лет (Виленский, 1958; Крупенников, 1981; Зонн, 1999; Иванов, 2003). Из всех ученых – почвоведов, представленных в этих четырех исторических монографиях, были упомянуты 590 фамилий. Мы исключили из этого списка иностранных ученых (Либих, Гумбольдт, Дарвин и др.), а также тех государственных деятелей и ученых, имеющих весьма скромное отношение к почвоведению (Ленин, Маркс, Ландау, Зелинский и др.). Однако мы оставили тех, кто по специальности был близок к почвоведению

(агрохимия, земледелие, агрономия, лесоведение, мелиорация, микробиология и т.д.) и у нас получилась цифра близкая к 500 (496). По подсчетам, выполненным историографом почвоведения И.В. Ивановым, в России работало в разные времена в среднем, особенно в советский период, около 50 тыс. почвоведов. Следовательно, судя по этим цифрам, только 1% почвоведов попали в поле зрения упомянутых выше историков. Причем из ДВФО в это число (500) попал только один дальневосточник – д.б.н., профессор Ивлев Анатолий Михайлович, долгое время работавший завкафедрой почвоведения и агрохимии ДВГУ (ныне ДВФУ), упомянутый И.А. Крупенниковым (1981) как первый автор почвенной карты о. Сахалина. Для территории ДВФО, составляющей более 1/3 от территории России это мало до неприличия. На данное обстоятельство обратил внимание и сам автор (И.В. Иванов), объяснив это значительной удаленностью ДВФО от центра, где сосредоточены основные НИИ учреждения, ВУЗЫ, имеющие факультеты и кафедры почвоведения и агрохимии, а также издательства журналов соответствующего профиля. В связи с тем, что публикационную активность ученых судят в основном по журналам и монографиям, издающихся в центре, в которых периферийным ученым публиковаться сложнее (длительность рецензирования, более частые отказы из-за перегруженности рукописями, недостаточного финансирования издательств и негласной приоритетности в очередности для авторов из центра). Для определения рейтинга ученого вне зависимости от удаленности от центра необходимо учитывать все публикации, а не только центральные, как это практикуется до сих пор. Мы согласны с мнением И.В. Иванова, что давно назрела необходимость в издании второго общероссийского журнала, ориентированного на изучение почв Сибири и Дальнего Востока. Параллельно необходимо повысить рейтинг местных научных периодических журналов с солидным стажем и в первую очередь «Вестника ДВО РАН» учрежденного еще в тридцатые годы минувшего столетия и пользующегося большим авторитетом среди ученых ДВФО. Однако, после объединения ДВО РАН и ДВО РАСХН в редакцию журнала стало поступать много недоброкачественных статей и материалов, особенно это характерно для ВНИИ сои (руководитель академик В.Т. Синеговская), Камчатскому НИИСХ (руководитель д.с.х. наук Н.И. Ряховская) и некоторым опытным станциям. Многие статьи авторов, работающих в этих учреждениях, приходилось отклонять, как не отвечающие требованиям данного журнала.

В текущем столетии вышел из печати капитальный труд академика РАН, заведующего кафедрой агрохимии МГУ В.Г. Минеева (3 тома объемом по 50 печатных листов каждый), посвященный истории отечественной агрохимии на рубеже XXI века. Агрохимия, по выражению автора трехтомника, является: *«фундаментально-прикладная, эколого-биологическая наука стержневой отрасли знаний, как современного, так и будущего земледелия и почвоведения»*, поэтому она развивалась и совершенствовалась синхронно с почвоведением. В ВУЗах одновременно открывались факультеты и кафедры почвоведения и агрохимии, во ВНИИ отделы и лаборатории соответствующего профиля, а в 60-е годы XX столетия даже была учреждена агрохимическая служба, насчитывающая в стране более 100 лабораторий. Поэтому численность ученых и специалистов – агрохимиков какое-то время, до распада СССР и упразднения агрохимслужбы была сопоставима, а может даже немного больше, численности почвоведов. В трехтомник В.Г. Минеева было включено также около 500 агрохимиков, имеющих ученую степень не ниже доктора, а также оригинальные разработки, монографии и статьи в центральных изданиях. Но в отличие от четырех книг, посвященных почвоведцам и написанных во времена, когда много внимания уделялось более известным и маститым ученым (к примеру, К.Д. Глинке и Н.М. Сибирцеву было отведено по 8-10 страниц с портретами, а нашему земляку Ивлеву А.М. две строки, без портрета), в трехтомнике сведения об избранных автором ученых агрохимиках были представлены более демократично и справедливо. Каждому, попавшему в трехтомник ученому было отведено как минимум 3-4 (иногда 7-8) страницы текста, включающие основные сведения биографии, научные достижения и наиболее весомые публикации, и все это венчалось портретом (6×9). Причем вне зависимости от дополнительных регалий и наград (академик, чл.-корр., лауреат и прочее), все были равны. При этих, нетрадиционных и более лояльных условиях отбора в трехтомник были включены сразу 5 дальневосточных ученых – агрохимиков: академик ВАСХНИЛ и, одновременно, чл.-корр. РАН, д.с.х.н. Б.А. Неунылов, чл.-корр. РАСХН, д.б.н. Э.Л. Климашевский, д.с.х.н., профессор В.Т. Куркаев, д.б.н., профессор Ю.И. Слабко и д.б.н. В.И. Голов. Причем трое из пяти названных агрохимиков работали в Биолого-почвенном институте ДВО РАН (ныне ФНЦ Биоразнообразия). Об этих и других менее популярных ученых-дальневосточниках, приложивших усилия,

знания и энергию к познанию почв и ее плодородия мы познакомим читателя (слушателя) в следующих сообщениях.

Литература

1. Аргудяева Ю.В. Роль Н.Н. Муравьева-Амурского в переселении крестьян и казаков в низовья р. Амур. //Вестник ДВО РАН, № 5, 2009. С. 3-13.
2. Бурдуковский М.Л., Голов В.И., Ковшик И.Г. 2016. Изменение агрохимических свойств основных пахотных почв юга Дальнего Востока при длительном сельскохозяйственном использовании // ПОЧВОВЕДЕНИЕ [Eurasian Soil Science]. – №. 10. С. 1244-1250.
3. Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровское кн. изд-во, 1970. 238 с.
4. Голов В.И., Тимофеева Я.О. Из истории изучения и освоения почвенного покрова Дальнего Востока. // История науки и техники (к 50-летию Биолого-почвенного Инст-та ДВО РАН) № 1, 2012. С.16-24
5. Жарикова Е.А. Агрогенная трансформация аллювиальных почв на участках различных арендаторов на юге Приморья // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2017. № 4. С. 87–93.
6. Иванов И.В. История отечественного почвоведения. Кн. 1, 1870-1947. М.: Изд. «Наука», 2003. 400 с.
7. Крупенников И.А. История почвоведения от времени его зарождения до наших дней. М.: Изд. «Наука», 1981. 328 с.
8. Махинов А.Н., Ким В.И., Воронов Б.А. Наводнение в бассейне реки Амура 2013 года: Причины и последствия. //Вестник ДВО РАН. № 2, 2014, С. 5-14.
9. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849 – 1855. Хабаровское кн. изд-во. 1969. 420 с.
10. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приамурья и Приморья. Д.В.кн. изд-во. Владивосток. 1973. 440 с.
11. Потанин С.Б. Научное и педагогическое наследие профессора Н.И. Прохорова. Петрозаводск, Изд. Карельского педагогического университета. 2013. 100 с.
12. Росликова В.И. О состоянии почвенных ресурсов на приграничных территориях России и Китая // Вестник ДВО РАН. 2012. № 6. С. 114–119.
13. Сергушева Е.А. Раннее земледелие в Приморье. //Вестник ДВО РАН № 3, 2007. С. 116-120.

14. Хисматуллин Ш.Д. Почвенные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке экспедициями переселенческого управления в 1908-1914 гг. // Почвоведение № 5, 1978. С. 142-149.
15. Хисматуллин Ш.Д. История Докучаевского почвенного комитета (к 70-летию со дня организации) // Почвоведение № 6, 1983. С. 137-145.
16. Хисматуллин Ш.Д. Истоки почвоведения в деятельности вольного экономического общества. // Почвоведение № 6, 1988. С. 84-92.
17. Чайка А.К., Ващенко А.П. // Аграрная наука на Дальнем Востоке в 1908 – 2007 гг. Дальнаука. Владивосток. 2007. 136 с.
18. Блогер А. Несмеяна (#Эль Мюрид).